

В середине марта 2013 г. в ходе сессии Всекитайского собрания народных представителей вновь назначенный председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи начал развивать концепцию «китайской мечты» по возрождению Китая, назвав одним из трех главных ее принципов патриотические и нравственные нормы, которые призваны возвышать китайский дух. Именно на нынешнем этапе развития страны социально-этические основы построения новой модели общества станут доминирующими.

* * *

В качестве ключевого вывода из проведенного анализа можно сказать, что чжоусский моизм неуместен, а политика конфуцианства не нужна. Возвращаясь к тезису, обозначенному в заглавии статьи, можно отметить, что конфуцианство, скорее, не вытеснило, а слилось с моизмом, поглотило его в себя. При всем различии между Конфуцием и Мо Ди их роднит стремление утвердить нравственно-этические нормы и критерии в качестве основы построения общественных

отношений между социальными слоями и классами, уважение к традициям, порядку и стремление к гармонии между верхами и низами.

Нынешняя доминирующая социально-этическая концепция представляет собой некое конфуцианство с современной спецификой «социализма Мо-цзы». Конфуцианство сейчас - это мода и тренд, а моизм - это теория и учение, отдельные положения которого используются в современном Китае на практике.

¹ Wang Hao. Zhongguo Zhexuejia (Философия Китая) // Zhongguo gaikuang. 2004, p. 75-77.

² Малявин В.В. Династия Мин. М., 2001, с. 11. (Malyavin V.V. 2001. Ming Dynasty. M.) (in Russian)

³ Fan Jinmin. Shehui cengci (Слои общества) // Zhongguo gudaishi. 2007, p. 15-17.

⁴ Малявин В.В. Конфуций. М., 1997, с. 111 (Malyavin V.V. 1997. Confucius. M.) (in Russian)

⁵ Переломов Л.С. Луный. М., 2001. Гл. 12 (11). (Perelomov L.S. 2001. Lunyu. M.) (in Russian)

⁶ Переломов Л.С. Указ. соч. Гл. 12 (19).

⁷ Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.

⁸ Титаренко М.Л. Древнекитайский философ МоДи, его школа и учение. М., Наука, 1985. (Titarenko M.L. 1985. Ancient philosopher MoDi, His school and teaching. M.) (in Russian)

⁹ Переломов Л.С. Указ. соч. Гл. 13 (4).

¹⁰ Титаренко М.Л. Указ. соч.

¹¹ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Россия-2050, стратегия инновационного прорыва. М., Институт экономических стратегий. 2006. (Kuzyk B.N., Titarenko M.L. 2006. Russia-2050, Strategy of an innovation breakthrough. M.) (in Russian)

¹² Го Можо. Указ. соч.

¹³ Yang Chaoming. Kongzi (Конфуций) // Kongzi jiaoyu tongjie, 1991, p. 17.

¹⁴ Титаренко М.Л. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Переломов Л.С. Указ. соч. Гл. 7 (1).

¹⁷ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. М., Госполитиздат, 1956. (Plehanov G.V. 1956. The issue of a person's influence on history. M.) (in Russian)

¹⁸ Wang Xue. MoZi zhexuejia sixiang (Философская мысль Мо-цзы) // MoZi. 2001, p. 100-101.

ЯПОНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОТ РАВЕНСТВА К РАССЛОЕНИЮ

И.П. ЛЕБЕДЕВА

Доктор экономических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Япония, общество, средний класс, нестандартные социальные группы, социальное неравенство

До начала 1990-х гг. среди высокоразвитых государств Япония отличалась достаточно равномерным распределением плодов экономического развития среди различных слоев населения. Благодаря высоким темпам экономического роста периода 1950-х - 1960-х гг. и весьма успешному развитию в 1970-е - 1980-е гг. происходило не только быстрое повышение уровня жизни населения, но и были созданы условия, обеспечившие доступ к благам современной цивилизации подавляющего большинства граждан страны.

По опросам общественного мнения, уже с конца 1960-х гг. более 90% японцев относят себя к среднему классу, с точки зрения уровня потребления (7% - к низшим слоям, порядка 1% - к высшим)¹. Эти субъективные оценки гражданами страны своего положения находят и статистическое подтверждение.

Чтобы достоверно судить о том, насколько велика дифференциация в обществе по уровню текущих доходов, экономическая наука использует коэффициент Джини, который показывает степень отклонения фактического распределения доходов среди

различных слоев населения от теоретически абсолютно равного их распределения (чем он выше, тем выше и степень расслоения). В Японии этот коэффициент был не только одним из самых низких среди развитых стран, но и оставался практически стабильным (1965 - 0,300, 1975 - 0,300, 1980 - 0,273, 1985 - 0,292, 1990 - 0,305, 1995 - 0,311, 2000 - 0,313)².

ПОСТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Следует подчеркнуть, что такое положение в немалой степени

стало результатом целенаправленной политики японских либерал-демократов, которые бесменно находились у власти более полувека. Еще в середине 1950-х гг., в первых программных документах, Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП) провозгласила своей целью «построение государства всеобщего благосостояния» и последовательно шла к ее реализации, используя самые разнообразные средства экономической политики. Не имея возможности подробно останавливаться на этой теме, приведем лишь несколько примеров.

Так, для перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения была введена прогрессивная система налогообложения доходов физических лиц, а также были установлены весьма высокие ставки налога на наследство. Ставки налога на доходы физических лиц составляли 10% для получателей наименьших доходов и 37% - для лиц с наивысшими доходами (с 2007 г. они стали составлять 5% и 40%, соответственно). При этом применялись и разного рода скидки и вычеты из налогооблагаемой базы на иждивенцев, инвалидов и т.д. Что касается системы налогообложения наследства, то она устроена таким образом, что получатели наиболее крупных состояний (их нижние границы определяются отдельно по каждому виду наследства) должны выплачивать государству до 50% от стоимости наследуемого имущества³.

Важную роль в обеспечении доступа к плодам экономического процветания широких слоев населения сыграла и поддержка государством отдельных отраслей и секторов национальной экономики. Наиболее яркий пример из этой области - поддержка отечественного сельского хозяйства. Благодаря системе гарантированных закупочных цен (которые долгое время устанавливались на уровне издержек наименее эффективных производителей), протекционистской политике, а также целому ряду других мер (начиная с льготного финансирования фермерских хозяйств и кончая содействием в овладении ими новыми технологиями

производства), стало возможным не только сохранение отечественного сельского хозяйства как отрасли экономики, но и значительное повышение доходов японского крестьянства, и как следствие - стирание различий в уровне жизни между городским и сельским населением.

Цели более справедливого распределения плодов экономического развития служила и политика государства в отношении малого бизнеса. Осознавая, насколько важна роль этого сектора в развитии предпринимательства и поддержании социально-политической стабильности, а также учитывая тот факт, что в плане доступа к финансовым ресурсам, обеспеченности квалифицированными кадрами, возможностей научно-технического развития и т.д. малые предприятия сильно уступают крупным компаниям, с первых лет своего пребывания у власти либерал-демократы начали оказывать малому бизнесу всестороннюю поддержку⁴.

Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что благодаря такой политике тысячи мелких и средних предприятий, которые в условиях жесткой рыночной конкуренции, скорее всего, прекратили бы свое существование, смогли остаться «на плаву», провести рационализацию своего бизнеса или переключиться на новую сферу деятельности, а следовательно - и получить свою долю «пирога».

На ограничение стихии рынка, защиту слабых от его разрушительных сил была направлена и существенная часть мер в рамках системы административно-правовых регламентаций - формы государственного регулирования, весьма широко применявшейся в Японии. Приведем лишь один пример из этой области. Путем административного ограничения времени работы крупных ресторанов (например, до 22.00 или 23.00) клиентов, желающих продолжить свой отдых, «перенаправляли» в другие заведения ресторанного бизнеса (кафе, бары, караоке-клубы и т.д.) с тем, чтобы владельцы последних также могли воспользоваться готовностью богатеющего населения тратить все больше денег на проведение досуга вне дома.

Очевидно, что достаточно равномерное распределение плодов экономического процветания среди различных слоев населения стало материальной базой формирования в стране общества среднего класса. Но не менее важное значение имело и то, что параллельно происходило постепенное стирание горизонтальных перегородок, разделяющих различные слои общества с точки зрения социального статуса.

Это стало возможным благодаря обеспечению доступа широких слоев населения к качественному образованию (в т.ч. университетскому), высокому положению труда (включая тяжелый физический труд) в системе ценностей японцев, целенаправленным усилиям японского менеджмента по повышению статуса рядовых работников компаний (в рамках т.н. системы пожизненного найма⁵) и т.д. Немалую роль сыграло и присущее японской нации эгалитарное сознание, не поощряющее демонстрацию богатства, выпячивание личных достижений, подчеркивание более высокого положения в обществе и т.д.

Таким образом, в конце 1980-х гг. Япония представляла собой едва ли не образец «общества среднего класса»: абсолютное большинство граждан были вполне удовлетворены своим материальным положением и социальным статусом и достаточно уверенно смотрели в будущее. При этом, в отличие от других высокоразвитых стран, Япония не знала многих острых социальных проблем, таких, например, как безработица или бездомные. Уровень безработицы в стране составлял порядка 1-1,5% (т.е. находился в пределах статистической погрешности), а такого явления, как бездомные, практически не существовало.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕПРЕССИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Однако со вступлением в 1990-е гг. ситуация начала меняться. Дело в том, что 1990-е - 2000-е гг. стали для Японии весьма непростым периодом. Крах экономики «мыльного пузыря» (специфического механизма рос-

та, основанного на спекуляциях с землей, недвижимостью и ценными бумагами), происшедший в конце 1990 г., ввергнул страну в глубокую депрессию, растянувшуюся почти на два десятилетия. В то же время, под давлением внутренних и внешних обстоятельств, в стране были проведены достаточно радикальные реформы, которые существенным образом изменили японскую экономическую систему, сделав ее более конкурентной и открытой, но одновременно - и более жесткой.

Резкое замедление темпов экономического роста и перестройка экономической системы страны оказали влияние на самые разные стороны жизни японского общества, породив целый ряд довольно болезненных, не известных прежде социальных явлений.

Прежде всего, следует отметить, что в стране заметно вырос уровень безработицы - с 2,1% в 1990 г. он поднялся до 4,9% в 2000 г. и 5,1% - в 2010 г. (в последние годы он несколько снизился - до 4,3-4,6%). При этом особенно сильно пострадали молодые контингенты рабочей силы, на которые прежде существовал повышенный спрос на рынке труда. Так, например, доля безработных среди мужчин в возрасте от 15 до 24 лет поднялась с 4,5% в 1990 г. до 10,2% в 2000 г. и 10,4% - в 2010 г., а среди мужчин в возрасте от 25 до 34 лет - соответственно, с 1,8% до 5% и 6,6%. В абсолютном выражении численность безработных в Японии в последнее десятилетие составляла порядка 2,8 - 3,3 млн человек⁶.

В 1990-е - 2000-е гг. заметно ухудшилось положение мелкого и среднего предпринимательства страны. Помимо вялой экономической конъюнктуры, ситуацию усугубляло такое явление, как *кудока*, что в переводе с японского означает «опустошение», «выхолащивание». Этим термином в Японии обозначают вынос за рубеж производства различных видов промышленной продукции, особенно усилившийся в годы депрессии. Лидерами *кудока* являются крупные компании машиностроения (прежде всего, автомобилестроения и электромашиностроения).

Так, в последние годы на зарубежных предприятиях японских

компаний выпускалось уже около 40% продукции автомобилестроения (по стоимости), порядка 2/3 - продукции электроники, 75-80% - продукции бытового электромашиностроения и т.д.⁷ Поскольку более половины всех мелких и средних предприятий японской обрабатывающей промышленности являлись субподрядчиками крупных компаний, сужение базы субподрядных работ в стране вследствие выноса производства за рубеж привело к значительному сокращению числа мелких и средних промышленных фирм - с 426,5 тыс. в 1991 г. до 213,2 тыс. в 2012 г., т.е. в два раза⁸. В целом же по экономике, число индивидуальных предпринимателей и владельцев мелких и средних предприятий сократилось с 8,78 млн человек в 1990 г. до 7,31 млн в 2000 г. и 5,59 млн - в 2012 г.⁹

Еще одним следствием затянувшейся депрессии стали изменения в спросе на рабочую силу на японском рынке труда, приведшие к резкому снижению в структуре занятых доли лиц, работающих на условиях постоянной занятости, и соответственно - к росту доли непостоянных работников (временных работников, частично занятых, контрактников и т.д.). Если в 1990 г. доля первой категории в общем числе работающих по найму составляла порядка 80%, а второй - около 20%, то в 2012 г. - 62% и 38%, соответственно. При этом, с точки зрения социальных последствий, принципиальное значение имело не только и не столько значительное увеличение численности работающих на условиях непостоянной занятости (с 8,825 млн человек в 1990 г. до 21,153 млн в 2012 г.¹⁰), сколько качественное изменение состава этой категории.

Прежде на условиях непостоянной занятости работали, в основном, школьники старших классов, студенты и домохозяйки, т.е. лица, для которых эта работа не являлась основным занятием и не была главным источником средств к существованию. Однако с начала 1990-х гг. состав этой категории начал постепенно меняться, и сейчас ее костяк составляют завершившая образование, но не нашедшая постоянную

работу молодежь, женщины, вырастившие детей и желающие вернуться к полноценной трудовой деятельности, работники, уволенные по возрасту или в связи с реорганизацией компании и т.д. И для подавляющей их части работа на условиях непостоянной занятости является и основным видом занятий, и главным источником дохода.

Как известно, во всех развитых странах существуют постоянная и непостоянная формы занятости. Это связано с все большей сервисизацией их экономик (в частности, с быстрым развитием рынка индивидуальных услуг), что объективно расширяет потребность в разного рода гибких формах найма, с появлением в разных отраслях видов труда, для выполнения которых не требуется высокой квалификации, а достаточно лишь следовать инструкциям (для чего вполне пригодными оказываются временные работники), с усилением внимания правительств и общественности развитых стран к обеспечению баланса интересов между трудовой деятельностью и семейными обязанностями как женщин, так и мужчин и т.д.

Однако в Японии ситуация в этой области отличается заметной спецификой. Во-первых, доля непостоянно занятых в общем числе работающих по найму здесь существенно выше, чем в других странах. Так, если в Японии она составляет более 38%, то в большинстве европейских стран - от 15 до 20%¹¹. Во-вторых, ни в одной другой стране не существует такого глубокого водораздела между положением постоянных и непостоянных работников, как в Японии. Это относится и к оплате труда, и к возможностям повышения квалификации, а, следовательно - и продвижения по службе, и к объему социальных гарантий, и к социальному статусу работника в целом.

Что касается оплаты труда, то, в среднем по стране, заработная плата непостоянных работников составляет порядка 60% от уровня заработной платы постоянных, а в крупных компаниях - многим более половины¹². Характерно, что разрыв в оплате труда между этими двумя категориями

занятых продолжает существовать, несмотря на то, что еще в 2007 г. был принят Закон о непостоянной занятости, который запретил дискриминацию в оплате труда непостоянных работников, исходя из принципа «равная оплата за равный труд».

Дело в том, что при определении заработной платы работника японские компании учитывают не только результаты труда, но и сам процесс труда, качество которого зависит от опыта работника, его профессиональных знаний, способностей к творчеству, дисциплинированности, ответственности и т.д. Очевидно, что при таком подходе разницу в оплате труда между постоянными и непостоянными работниками всегда можно объяснить различиями в качестве их труда, а в более широком смысле - в их потенциале.

Не менее важное значение имеет и глубокий водораздел между двумя этими категориями занятых в плане возможностей повышения квалификации. На постоянных работников японских компаний, помимо гарантий долгосрочной занятости (вплоть до достижения ими т.н. предельного возраста, который в большинстве компаний составляет сейчас 60 лет) и повышения заработной платы (прежде - практически ежегодного), распространяются и гарантии доступа к системе повышения квалификации на основе внутрифирменного обучения.

От объема навыков и знаний, которые приобретает работник в процессе внутрифирменного обучения, зависят и скорость его продвижения по служебной лестнице, и крутизна шкалы возрастания заработной платы. Однако для непостоянных работников эта система недоступна, поскольку само их положение в компании - непрочное, непродолжительное - делает бессмысленными усилия по их обучению, требующими к тому же огромных финансовых затрат. Поскольку, в отличие от других развитых стран, в Японии практически нет системы повышения квалификации вне рамок внутрифирменного обучения, непостоянные работники, по сути, лишаются возможности профессионального роста и

вынуждены довольствоваться непрестижной, низкооплачиваемой работой.

Однако едва ли не главной линией водораздела между постоянными и непостоянными работниками в Японии являются различия в их социальном статусе. Система пожизненного найма, о которой уже упоминалось выше, стала не только моделью управления трудом в японских компаниях, но и оказала сильное влияние на систему ценностей и образ жизни нескольких послевоенных поколений японцев.

Статус постоянного работника, с его гарантиями долгосрочной занятости, продвижения по службе и повышения заработной платы, приобрел особую ценность. С ним ассоциировались представления о благополучной, предсказуемой жизни как самих работников, так и членов их семей, он позволял строить планы на долгие годы вперед и последовательно реализовывать их. Понятно, что статус непостоянного работника, с нестабильной занятостью и низкой оплатой труда, был несравненно ниже.

Таким образом, рост безработицы, разорение тысяч мелких и средних предпринимателей, резкое расширение масштабов непостоянной занятости, происходившие на протяжении двух последних десятилетий, заметно преобразили бывший прежде довольно ровным ландшафт японского общества, проложив весьма глубокие линии социального расслоения. Но одновременно произошло и существенное изменение общей социально-психологической атмосферы в стране: даже в тех слоях общества, положение которых оставалось достаточно благополучным, ощущения стабильности и уверенности в завтрашнем дне сменились весьма пессимистическими настроениями, чувством нестабильности и неопределенности.

НЕОБЫЧНАЯ МОЛОДЕЖЬ

Одним из проявлений изменения общей социально-психологической атмосферы стало возникновение разного рода нестандартных, необычных для Японии, групп населения, образ жизни и ценностные ориентиры ко-

торых резко контрастируют с общепринятыми нормами и представлениями. В наибольшей степени это характерно для японской молодежи.

Происшедшие в стране изменения сказались, прежде всего, на положении именно молодежи. Это связано с рядом особенностей японского рынка труда, сформировавшихся еще в период высоких темпов роста, но сохраняющих свое значение и сегодня.

Одной из отличительных черт системы пожизненного найма является то, что на места постоянных работников японские компании всегда предпочитали нанимать только «свежих» (т.е. не имеющих опыта работы в других фирмах) выпускников школ и университетов (первых - на должности синих воротничков, вторых - на должности белых воротничков). До начала экономических неурядиц 1990-х - 2000-х гг. эта система работала практически бесперебойно, и ежегодно 1 апреля (на которое приходится начало финансового года в Японии) десятки тысяч молодых людей принимались на постоянную работу в частные компании и государственные учреждения. И хотя на мелких и средних фирмах система пожизненного найма не носила столь всеобъемлющего характера, как на крупных, статус постоянного работника и здесь позволял рассчитывать на спокойную, благополучную жизнь.

Особо следует отметить, что под влиянием системы пожизненного найма в среде японской молодежи сформировались устойчивые представления о том, что такое жизненный успех и удачная карьера. Эталоном жизненного успеха стала карьера *sararimana* (от английского *salary man*) - постоянного работника крупной компании или государственного учреждения. Чтобы стать *sararиманом*, нужно было закончить один из престижных университетов, а для того, чтобы успешно пройти через «экзаменационный ад» и поступить в него, необходимо было проявлять усердие и упорство в учебе, используя возможности не только школьного, но и различных видов внешкольного образования.

Примечательно, что на практике эта модель оказалась до-

ступна весьма широкому кругу молодежи. Так, среди юношей, закончивших школу в 1976-1985 гг., смогли стать *сарариманами* по окончании университета более 30%, а среди выпускников 1986-1995 гг. - 40%. Кроме того, в обоих случаях еще около четверти молодых людей смогли в той или иной степени реализовать эту «японскую мечту», получив работу белых воротничков в средних и мелких фирмах¹³. Наконец, на карьеру, подобную карьере *сараримана*, могли рассчитывать и синие воротнички - работники крупных компаний, и даже часть рядовых работников мелких и средних фирм.

Однако со вступлением в 1990-е гг. ситуация в сфере найма на постоянную работу выпускников средних и высших учебных заведений начала меняться. Если в 1990 г. число принятых на работу выпускников средних школ и школ высшей ступени (возрастная группа - 15-19 лет) составило 678 тыс. человек, а выпускников колледжей и университетов (в возрасте 20-24 года) - порядка 530 тыс., то к 2012 г. эти показатели снизились, соответственно, до 182 тыс. и 476 тыс. человек. Иными словами, в 2012 г. на постоянную работу смогли трудоустроиться на 550 тыс. молодых людей меньше, чем в 1990 г.¹⁴ В последние годы доля непостоянно занятых среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, завершивших образование, составляла уже около 1/3¹⁵.

В условиях Японии неудача с трудоустройством на постоянную работу сразу по окончании учебного заведения имеет далеко идущие последствия, т.к. в силу отмеченных выше особенностей практики найма японских компаний (т.е. предпочтения ими «свежих» выпускников) шансы получить постоянную работу у тех, кто однажды уже потерпел неудачу, крайне низки. В результате, в самом начале жизненного пути японская молодежь оказывается поделенной на две категории: счастливиц, которые смогли получить работу на постоянной основе и вправе рассчитывать на спокойную, предсказуемую и благополучную жизнь, и неудачников, вынужденных довольствоваться различными формами не-

постоянной занятости. Причем по мере взросления различия в положении двух этих категорий молодежи будут становиться все более заметными. Это относится и к уровню доходов, и к социальному статусу, и к образу жизни, и к жизненным планам.

Последствия такого резкого деления особенно болезненно ощущают молодые мужчины. Ведь до сих пор в Японии со статусом постоянного работника, не говоря уже о статусе *сараримана*, ассоциируются представления не только о жизненном успехе, но и о настоящем мужском характере. Считается, что обладатель этого статуса целеустремлен, решителен, упорен в преодолении трудностей, обладает развитым чувством долга по отношению к семье и обществу. Непостоянная же занятость применительно к молодым мужчинам до сих пор воспринимается как некое отклонение от нормы, от общепринятого образа жизни, а сами они - как недостаточно упорные, незрелые и безответственные. Такое восприятие обществом этой категории молодых людей стало одной из причин заметного снижения в последние годы числа браков, заключаемых в стране, т.к. японские девушки не желают связывать свою жизнь со столь ненадежными и неперспективными мужчинами.

По данным японской статистики, в 2012 г. из 15,5 млн молодых людей обоих полов в возрасте от 15 до 34 лет, работающих по найму, 10,6 млн (68%) относились к категории постоянных работников, а 4,9 млн (32%) - к категории непостоянно занятых¹⁶.

Для обозначения второй категории молодежи в Японии было даже изобретено специальное слово - *фритеры* (*Freeters* - комбинация английского *Free* и немецкого *Arbeiter*). *Фритеры* - это молодые люди обоих полов в возрасте от 15 до 34 лет, не являющиеся учащимися или студентами учебных заведений или домохозяйками (в случае замужних женщин) и работающие на непостоянной основе¹⁷.

Состав *фритеров* чрезвычайно разнообразен, и, конечно, далеко не все они тяготеют своим положением. Определенная их часть представлена теми, кто пы-

тался найти постоянную работу сразу по окончании учебного заведения, но потерпел неудачу и вынужден довольствоваться работой на непостоянной основе. Среди *фритеров* есть также молодые люди, которые не хотят опутывать свою жизнь ограничениями и обязательствами, налагаемыми работой на постоянной основе, и, довольствуясь пока временной работой, рассчитывают полностью реализовать свой потенциал в таких сферах, как искусство, театр, мультипликация, компьютерные игры и т.д.

Но есть и особая группа *фритеров* - т.н. *парасайто сингуру*, или паразитирующие одиночки (*parasite singles*). Этот термин был введен в научный оборот в конце 1990-х гг. известным японским социологом Масахиро Ямада для обозначения новой для Японии категории молодых людей, а именно: работающих лишь время от времени (с целью получения средств на развлечения и карманные расходы), проживающих совместно с родителями и полностью зависящих от них в удовлетворении своих повседневных потребностей. И таких среди *фритеров* - большинство.

Конечно, было бы упрощением считать, что *фритеры* появились в Японии лишь в результате изменений на рынке труда. Среди причин быстрого увеличения их числа можно назвать также и рост благосостояния японских семей, и все большую диверсификацию жизненных стилей и предпочтений японцев, и усиление влияния западной культуры и западных ценностей на поведенческие установки молодежи и т.д., но, на наш взгляд, определяющую роль сыграли все-таки экономические факторы.

Еще более необычной для Японии группой молодежи, появившейся в 1990-е - 2000-е гг., стали т.н. *нитто*, или *NEETs* (**N**ot in **E**ducation, **E**mployment or **T**raining).

Согласно определению министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, *нитто* - это молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет, которые ничем не заняты - ни учебой, ни работой, ни профессиональной переподготовкой (проще говоря - бездельники). В последние десять лет

численность этой группы колебалась в пределах 600-640 тыс. человек, причем масштабы этого явления нарастают с повышением возраста.

Так, по данным за 2011 г., из 600 тыс. *нитто* 90 тыс. относились к возрастной группе 15-19 лет, 150 тыс. - к категории 20-24 года и по 180 тыс. - к категориям 25-29 лет и 30-34 года. Однако, по данным того же министерства, есть и более великовозрастные *нитто*: среди японцев обоих полов в возрасте от 35 до 39 лет таких насчитывается порядка 200 тыс. человек¹⁸. При этом социальный состав *нитто* постепенно менялся: если в начале 1990-х гг., когда влияние депрессии еще не проявилось в полной мере, основную часть этой группы составляли выходцы из обеспеченных семей, полагавшиеся на финансовые возможности своих родителей, то в последующие годы стали преобладать дети из необеспеченных семей, которые бросили школу, но не стали работать, поскольку не смогли найти работу с хорошим заработком.

Вместе с паразитирующими одиночками *нитто* составляют основную часть потребителей продукции японской «индустрии грез» - *анимэ*¹⁹, компьютерных игр и т.д., которая позволяет им в виртуальном мире воплотить свои мечты. В этой среде сформировалась также особая группа молодежи, вызывающая наибольшую тревогу у японских социологов, - это т.н. *хикикомори*, что в переводе с японского означает затворники.

Хикикомори - это молодые люди, которые в силу разных причин избегают участия в жизни общества (будь то учеба, работа, в т.ч. временная, волонтерская деятельность, общение вне семьи и т.д.). Они предпочитают проводить время дома (преимущественно - в своей комнате), и даже если изредка покидают свое пристанище (например, чтобы сделать какие-то покупки в ближайшем *конбини* - работающем круглосуточно небольшом магазине), стараются ни с кем не вступать в контакт. О том, какие масштабы приобрела эта проблема, красноречиво говорят следующие цифры. По данным министерства здравоохранения, труда и благо-

состояния, в Японии насчитывается порядка 260 тыс. семей, где есть дети, ведущие образ жизни *хикикомори*²⁰.

Таким образом, под влиянием сложной экономической ситуации 1990-х - 2000-х гг. и нарастания в обществе пессимистических настроений относительно будущего страны в среде японской молодежи произошла своего рода поляризация. На одном полюсе находятся молодые люди, которым удалось получить постоянную работу и которые могут, подобно их родителям, рассчитывать на благополучную, спокойную жизнь на долгие годы вперед.

На другом полюсе находятся те, кто в силу разных причин оказался за пределами сферы постоянной занятости, а, следовательно - и за пределами спокойной, благополучной жизни. Численность этой категории составляет порядка 5,5 млн человек (4,9 млн - *фритеры*, 600 тыс. - *нитто*), т.е. весьма значительна. Как было сказано выше, именно в этой среде формируются группы молодежи, чей образ жизни и система ценностей резко контрастируют с укоренившимися в общественном сознании представлениями о нормальной жизни, успешной карьере и т.д.

Существование этих групп «нестандартных» молодых людей не только доставляет много проблем их родителям, но и представляет серьезную социальную проблему, особенно в свете быстрого старения населения страны, сокращения численности людей трудоспособного возраста, снижения рождаемости, сокращения числа браков и т.д.

«НЕСТАНДАРТНЫЕ» ВЗРОСЛЫЕ

Однако японцев, чей образ жизни не соответствует общепринятым представлениям, можно обнаружить и в других возрастных когортах. Конечно, самая одиозная группа - это бездомные, которые особенно резко бросаются в глаза на фоне обычных японцев - подтянутых, хорошо одетых, аккуратно причесанных.

По сравнению с другими странами, бездомных в Японии немного - порядка 25 тыс. человек,

но концентрируются они в крупных городах, поэтому не заметить их невозможно. Эта группа состоит в основном из немолодых мужчин (в возрасте 50-60 лет), среди которых есть и разорившиеся предприниматели, и неудачники, приехавшие в город из провинции, но так и не сумевшие себя реализовать, и безработные, и просто больные люди. В 2002 г. в Японии был принят закон, предусматривающий оказание помощи этим людям со стороны местных органов социального обеспечения (предоставление им жилья, питания, одежды, помощи в устройстве на работу и т.д.), но пока искоренить это явление не удастся²¹.

Но гораздо более серьезную социальную проблему представляет другая группа взрослого населения - т.н. неработающие одиночки (*корицу мугё*). Этот термин ввел в научный оборот японский социолог Юдзи Гэнда, опубликовавший в 2013 г. книгу под тем же названием. Согласно определению Ю.Гэнды, неработающие одиночки - это лица в возрасте от 20 до 60 лет (за исключением учащихся), не работающие, не состоящие и никогда прежде не состоявшие в браке, проживающие одиноко или в семье, но не имеющие при этом близких людей за пределами семьи²².

Понятно, что эта категория близка к группе *хикикомори*, т.е. затворникам в возрасте от 15 до 34 лет (и в том, и в другом случае одной из определяющих черт является отсутствие социального общения). С другой стороны, отсутствие работы - черта, объединяющая эту группу с *нитто*, т.е. с не имеющими никаких занятий молодыми людьми тех же возрастных групп. В этой связи можно предположить, что ряды неработающих одиночек старших возрастных групп пополняются, в первую очередь, именно за счет взрослеющих *хикикомори* и *нитто*.

Поскольку о «нестандартной» японской молодежи уже говорилось выше, обратимся к вопросу о том, что представляют собой «нестандартные» взрослые японцы. По подсчетам Ю.Гэнды, число *корицу мугё* (или неработающих одиночек в возрасте от 35 до 60 лет) за период с 1996 по 2011 гг.

возросло с 262 тыс. человек до 794 тыс., или в 3 раза.

При этом следует отметить два момента. Во-первых, далеко не все неработающие и не состоящие в браке японки и японцы могут быть причислены к этой группе. Так, в возрастной группе от 35 до 40 лет к *коричу мугё* относятся порядка 62% японцев обоих полов, от 40 до 50 лет - около 69%, в группе от 50 до 60 лет - 62%²³. Во-вторых, существуют принципиальные различия между безработными и *коричу мугё*. Если безработные - это люди, активно ищущие работу и готовые приступить к ней, как только появится такая возможность, то *коричу мугё* можно охарактеризовать как повзрослевших *нитто*, т.е. как людей, не имеющих работы и не особенно стремящихся получить ее.

В своем исследовании Ю.Гэн-да пытался выяснить, какие жизненные обстоятельства способствуют попаданию людей в категорию *коричу мугё*. Оказалось, что довольно сильное влияние на судьбы этих людей оказали различные события, происходившие с ними в детстве. Например, среди них заметно больше, чем в близкой к ним социальной группе - не состоящих в браке и неработающих японцев - тех, кто в школьные годы подвергался разного рода *идзимэ*, т.е. издевательствам со стороны сверстников.

Среди *коричу мугё* также значительно больше тех, кто не имел или почти не имел в детстве друзей, и наоборот, меньше тех, у кого было много друзей и товарищей. Наконец, у многих из них в школьные годы не было возможности поделиться своими переживаниями со взрослыми, которым они могли бы доверять и чье мнение было бы для них важным²⁴.

Социальный состав *коричу мугё* довольно пестрый - здесь можно встретить как тех, кто бросил учебу еще в средней школе, так и обладателей университетских дипломов, и даже людей, окончивших аспирантуру. При этом уровень образования не влияет напрямую на вероятность попадания в эту группу. Так, например, среди не состоящих в браке и неработающих японцев с неполным средним образованием доля

коричу мугё составляет 68,6%, среди закончивших среднюю школу - 62,5%, среди выпускников технических колледжей и краткосрочных (трехгодичных) университетов - 52,7%, а среди получивших университетское образование и закончивших аспирантуру - 69,3%.

От уровня материального благосостояния семей, в которых росли и воспитывались будущие *коричу мугё*, вероятность попадания в эту группу также практически не зависит. Так, в той же социальной группе в семьях с наименьшими доходами (менее 3 млн* иен в год) доля *коричу мугё* составляет 63,8%, а в семьях с наивысшими доходами (более 9 млн иен в год) - 59,7%²⁵.

Независимо от того, проживают ли *коричу мугё* отдельно или в семье, их объединяет то, что социологи называют исключением из общества (*social exclusion*), т.е. обрыв всех видов социальных связей. Это явление встречается и в других развитых странах, однако в Японии оно имеет особое социальное звучание. Поскольку труд (включая тяжелый физический труд) занимает одно из первых мест в системе ценностей японцев, существование довольно большой группы людей трудоспособного возраста, ничем не занятых и ведущих паразитический образ жизни, выглядит явным отклонением от нормы.

Эти ощущения еще больше усиливает полное исключение *коричу мугё* из всех видов социальных связей и всех форм общественной жизни, поскольку, как известно, одной из главных социопсихологических характеристик японской нации является ориентация на групповые ценности и групповые интересы (будь то семья, компания или государство).

Следует иметь в виду и экономические аспекты этого явления. Поскольку законы страны гарантируют каждому гражданину поддержку со стороны государства для обеспечения минимального уровня жизни, рост числа получателей социальных пособий среди *коричу мугё* (в первую очередь - проживающих одиноко) становится дополнительным бременем для системы социального

обеспечения и государственных финансов, обремененных огромными размерами государственного долга. Кроме того, выбывание этой группы из экономической жизни еще больше обостряет проблему дефицита рабочей силы, связанную с быстрым старением населения и сокращением численности людей трудоспособного возраста.

В контексте рассмотрения вопроса о расслоении японского общества нельзя не коснуться еще одной проблемы - положения пожилых японцев.

В целом, положение этой группы населения (к ней относятся лица старше 65 лет) можно охарактеризовать как вполне благополучное. Большинство пожилых японцев проживают в собственных домах или квартирах, имеют весьма солидные накопления, получают пенсии, уровень которых позволяет им вести вполне достойную и интересную жизнь. Кроме того, для этой категории установлены льготы по оплате медицинских услуг, а также предусмотрены разного рода социальные пособия. Следует также иметь в виду, что японцы являются одной из самых долгоживущих и здоровых наций в мире, поэтому многие из них ведут весьма активный образ жизни и после выхода на пенсию - занимаются спортом, посещают различные кружки по интересам, участвуют в волонтерском движении, путешествуют и т.д.

Однако в составе, в целом, достаточно благополучной категории пожилых граждан страны выделяется подгруппа, чье положение не столь радужно. Это - одинокие пожилые люди. Прежде, когда типичное японское домохозяйство состояло из трех поколений, проживающих под одной крышей, такого явления, как оставшиеся без присмотра старики, практически не существовало. Забота о пожилых родителях была прямой обязанностью либо дочерей, либо невесток, а помещение их в дом престарелых рассматривалось как нечто неподобающее, как нарушение дочернего (сыновнего) долга перед родителями.

Сейчас, как известно, основной формой семьи в Японии является нуклеарная, и в большин-

* 1 иена равна примерно \$0,0084.

стве случаев пожилые родители проживают отдельно от детей. Так, по данным за 2012 г., из 20,930 млн семей, в составе которых есть пожилые люди, 23,3% (4,87 млн) состояли из одного человека, 30,3% (6,332 млн) - из пожилой супружеской пары, 19,6% (4,11 млн) - из незамужних/неженатых дочерей или сыновей и пожилых родителей, 15,3% (3,199 млн) - из трех поколений²⁶. Таким образом, более 11 млн японских домохозяйств состоят только из пожилых людей, в т.ч. около 4,9 млн - из пожилых одиноких людей.

Конечно, далеко не все одинокие пожилые японцы нуждаются в государственной помощи или опеке. Более того, среди них есть немало весьма обеспеченных людей, которые могут воспользоваться услугами частных компаний, предлагающих самые разные виды помощи (сопровождение на прогулках или в поездках, совместные обеды в ресторанах, уборка квартиры, оказание услуг санитарно-гигиенического характера и т.д.). Тем не менее, в последние годы в японских СМИ появляется все больше информации о случаях мошенничества разного рода, жертвами которых становятся одинокие пожилые люди, а также

о трудностях, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни.

Иными словами, в красивой, благополучной, безопасной стране, какой Япония является для большинства проживающих в ней граждан, существует довольно многочисленная группа людей, гораздо менее защищенных и часто - беспомощных. Наглядным проявлением остроты проблемы одинокой старости в Японии стало возрастание в последние годы случаев «одинокой смерти», когда о смерти одинокого человека узнают случайно, причем иногда - по прошествии нескольких дней. Так, в 2013 г. только в Токио умерли в одиночестве 2733 пожилых японца²⁷.

* * *

Таким образом, за последние два десятилетия японское общество претерпело существенные изменения. Равенство в доходах, примерно одинаковый уровень благосостояния различных слоев населения, ориентация абсолютного большинства семей на определенный образ жизни (муж зарабатывал деньги, а жена занималась домашним хозяйством и растила 2-3 детей) и определенную систему ценностей

(уважение к труду, высокий статус постоянного работника, признание ценности образования, поддержка пожилых родителей, приоритет групповых интересов и т.д.) сменились достаточно заметным расслоением по уровню текущих доходов и социальному статусу, а также все большим разнообразием стилей жизни и жизненных предпочтений населения страны.

В результате сформировались социальные группы, прежде всего в среде молодежи, образ жизни и система ценностей которых представляют собой явное отклонение от общепринятых норм и представлений. Поскольку для лиц, относящихся к этим «нестандартным» социальным группам, характерен в основном паразитический образ жизни, их существование представляет не только социальную, но и экономическую проблему. Ведь в их лице страна теряет не только рабочую силу, численность которой убывает в связи с быстрым старением населения, но и потенциальных потребителей, наличие которых также очень важно для поддержания экономического роста.

¹ Woronoff J. An Economic Crisis in Japan. L., 1996, p. 195-196.

² Toukei de miru Nihon (Япония через призму статистики). Т., 2008, p. 63.

³ Comprehensive Handbook of Japanese Taxes. Tokyo, 2006, p. 27, 135.

⁴ См.: Лебедева И.П. Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX - начало XXI вв.) (Lebedeva I.P. Yaponiya: Promyshlennost i predprinimatelstvo (vtoraya polovina XX - nachalo XXI vv. M., 2007) (in Russian)

⁵ См.: Лебедева И.П. Судьбы пожизненного найма: социальные аспекты // Японское общество: изменяющееся и неизменное. М., 2014. (Lebedeva I.P. 2014. Sudby pozhiznennogo naima: sotsialnye aspekty // Yaponskoe obshchestvo: izmenyayushcheesya i neizmennoe. M.) (in Russian)

⁶ Japanese Working Life Profile 2013/2014. Tokyo, 2014, p. 20, 42.

⁷ www.jama-english/statistics www.jieta.or.jp www.JEMA-net.or.jp

⁸ Japan Almanac. Т., 1994, p. 142; Japan Statistical Yearbook 2015. Chapter 8, Table 8-5 - <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/1431-08.htm>

⁹ Japanese Working Life Profile..., p. 20.

¹⁰ Labour Economic Indicators - www.stat.go.jp/

¹¹ International Monetary Fund, Selected Issues. Japan. July 12, 2013, p. 36-37.

¹² Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012 // Ministry of Health, Labour and Welfare - www.whlw.go.jp/toukei/

¹³ David Chiavacci. From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan // Social Science Japan Journal, 2008. Vol. 11, No 1, p. 16-17.

¹⁴ Labor Economic Indicators // Japan Institute of Labor - www.jil.go.jp/

¹⁵ White Paper on Children and Young People 2012, Chapter 2 //

Cabinet Office, Government of Japan. June 2012 - www.cao.go.jp/

¹⁶ Ibid., Figure 5; Basic Survey on Employment Structure 2012, Figure 1-8 // Ministry of Health, Labour and Welfare - www.stat.go.jp/

¹⁷ Cook E.E. Expectations of Failure: Maturity and Masculinity for Freeters in Cotemporary Japan // Social Science Japan Journal. Vol. 16. No 1, 2013, p. 29.

¹⁸ White Paper on Children and Young People 2012... Figure 8.

¹⁹ См. подр. статьи Катасоновой Е.Л. в журнале «Азия и Африка сегодня»: Массовая культура - японское прочтение, 2007, № 7, 8; В поисках самовыражения - японская молодежь в мире масс-культуры, 2008, № 1; Япония: эстетические метаморфозы, 2009, № 6, 7; Отаку: за и против. Новая генерация людей компьютерной эпохи, 2010, № 12 и 2011, № 1; Япония и проблемы киберкультуры, 2010, № 2. (Katasonova E.L. v zhurnale «Aziya i Africa segodnya»: Massovaya kultura - yaponskoe prochtenie, 2007, № 7, 8; V poiskakh samovyrazheniya - yaponskaya molodezh v mire mass-kultury, 2008, № 1; Yaponiya: esteticheskie metamorfozy, 2009, № 6, 7; Otaku: za i protiv. Novaya generatsiya lyudey kompyuternoioy epokhi, 2010, № 12 i 2011, № 1; Yaponiya i problemy kiberkultury, 2010, № 2) (in Russian)

²⁰ Genda Yuuji. Koritsu Mugyou (Неработавшие одиночки). Т., 2013, p. 38.

²¹ Маркаръян С.Б. Японская жилищная система как катализатор и индикатор социально-экономических изменений // Ежегодник «Япония 2013». М., 2013, с. 115-116.

²² Genda Yuuji. Op. cit., p. 22.

²³ Ibid., p. 40.

²⁴ Ibid., p. 157-160.

²⁵ Ibid., p. 52.

²⁶ Koureika-no joukyou oyobi koureishyakai taisaku-no jitti joukyou (Стареющее общество и политика в отношении стареющего общества). Т., 2013, p. 9.

²⁷ Ibid., p. 33.